

УДК 811.161.1'373.6

UDC

DOI: 10.17223/18572685/80/7

Язык именных указов и грамот Петра I о Мазепе (1708 г.)*

Т.С. Садова

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
E-mail: tatsad_90@mail.ru

Авторское резюме

Исследуется язык пяти деловых текстов 1708 г. – двух царских именных указов и трех грамот, связанных с весьма драматичным для Петра I событием – переходом гетмана Войска Запорожского И.С. Мазепы на сторону шведского короля Карла XII, противника России в Северной войне. Подчеркивается высокий риторический пафос этих документов, их публицистичность и явный идейно-пропагандистский характер. Описываются языковые средства, оформляющие воздействующие свойства исследуемых текстов. Рассматриваются негативные оценочные номинации Мазепы (*вор, изменник, проклятый / богоотступный изменник* и др.), используемые во всех пяти документах, а также контекстное окружение, призванное актуализировать и интенсифицировать их исходную негативную оценочность. Отмечается намеренная лексическая и грамматическая славянизация ряда указов как прием, позволяющий усилить назидательную функцию царского документа, а также обеспечивающий ему авторитетность, присущую книжному тексту. Отдельное внимание уделяется именованному указу Петра I от 12 ноября 1708 г. «О предании за измену Малороссийскаго Гетмана Мазепы проклятию...», в котором лексические средства (торжественные именованья царствующих особ, религиозная терминология и фразеология, сложные слова и др.) придают деловому тексту указа, имеющему исходно информативную и императивную функции, высокое учительное звучание. Подчеркивается, что царские указы Петровской эпохи во многом заимствуют просветительские, назидательные, убеждающие

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00325, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) «Печатные указы петровского времени как источник изучения русского языка XVIII века».

функции, характерные. прежде всего, для текстов религиозного содержания. Обращается внимание на относительно небольшое количество лексических заимствований, на преимущественно разговорный стиль данных текстов, что делает доступными восприятие этих указов и грамот людьми самых разных сословий.

Ключевые слова: деловой стиль XVIII в., указы Петра I, Иван Мазепа, риторичность делового текста, славянизация деловой речи XVIII в.

The language of Sovereign decrees and charters of Peter I concerning Mazepa (1708)*

Tatiana S. Sadova

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: tatsad_90@mail.ru

Abstract

The article examines the language of five official texts of 1708 – two royal decrees and three charters – pertaining to a pivotal event for Peter I: the defection of Hetman of the Zaporizhian Host Ivan S. Mazepa to the side of Charles XII, the King of Sweden and Russia's adversary in the Great Northern War. The analysis highlights the high rhetorical pathos, publicistic nature, and overt ideological and propagandistic character of these documents. The study describes the linguistic means that shape the persuasive properties of these texts. It scrutinizes the negative evaluative epithets applied to Mazepa (such as “thief,” “traitor,” “cursed/apostate traitor”), which are consistent across all five documents, as well as the contextual environment designed to amplify their inherent negative connotations. The author notes the deliberate lexical and grammatical Slavization in several decrees as a technique to enhance the didactic function of the sovereign's document and to endow it with the authority of a bookish, high-style text. Special attention is paid to Peter I's personal decree of November 12, 1708, “On the Anathematization of the Little Russian Hetman Mazepa for Treason...”, in which lexical means (ceremonial titling of monarchs, religious terminology and phraseology, and compound words) imbue the official text, which inherently serves informative and

* The study is funded by the Russian Science Foundation (Project No. 24-28-00325, at St. Petersburg State University), “Printed Decrees of the Petrine Time as a Source for Studying the Russian Language in the 18th Century”.

imperative functions, with a profoundly didactic tone. It is emphasized that the royal decrees of the the Petrine era extensively appropriate the educational, edifying, and persuasive functions characteristic primarily of religious texts. The article also notes the relatively limited number of lexical borrowings and the predominantly vernacular style of these texts, which were aimed at ensuring the accessibility of the decrees and charters to people of all social estates.

Keywords: official style of the 18th century, decrees of Peter I, Ivan Mazepa, rhetoric of official text, Slavicization of official speech of the 18th century

Введение

Указы и грамоты Петра I, созданные в год ухода гетмана И.С. Мазепы из-под протектората Российского государства (1708 г.) и посвященные этому событию, очень интересны с точки зрения языка и того риторического пафоса, который в них заключен.

В поле нашего внимания – пять царских документов: два именных указа Петра I – «О продолжении верной службы почепских казаков» (31 октября 1708 г.) и «О предании за измену Малороссийского Гетмана Мазепы проклятию...» (12 ноября 1708 г.), а также три грамоты, обращенные соответственно к Запорожскому войску (1 ноября 1708 г.), гетману Ивану Скоропадскому (7 ноября 1708 г.), Малороссийскому народу (9 ноября 1708 г.) [12: 423–432].

Деяниям и личности И. Мазепы, в том числе в период его гетманства под протекцией российского государя (1687–1708 гг.), посвящена обширная исследовательская литература [2; 9; 11; 18; 20 и др.], в которой по-разному и весьма неоднозначно оценивается его переход на сторону короля Карла XII, случившийся, как известно, в период острого военного противостояния России и Швеции в Северной войне, причем в нарушение присяги, данной Мазепой русскому государю [13].

В статье специально не затрагиваются дискуссионные вопросы, связанные с мотивами, историческими условиями и причинами поступка Мазепы, наш предмет – языковое своеобразие указов Петра I, созданных в это время и посвященных данному событию.

Сугубо лингвистический интерес к указанным документам связан, прежде всего, с решением общих вопросов становления русского делового (официального) языка в период кардинальных, а в некоторых областях – сокрушительных реформ Петровской эпохи. Как следствие, важным оказывается лингвистический взгляд на яркую социокультурную примету этого времени – формирование принципиально нового

типа общения власти и народа, при котором власть в лице государя «впервые демонстрирует развёрнутое идеологическое оправдание своих задач и своего призвания» [17: XXXIII]. Иными словами, требуют лингвистического описания те признаки делового текста Петровской эпохи, которые давно отмечаются литературоведами, – явная (в современном понимании) публицистичность, его пропагандистский и воздействующий характер [4: 75; 8: 8]. Добавим, что эти признаки присущи практически всем текстам, вышедшим из-под пера Петра I, причем независимо от их жанра и назначения. Известно, что наиболее важные, поистине судьбоносные указы и распоряжения Петр писал сам [6: 40], лишь отчасти прибегая к редакторской помощи профессиональных служащих своей канцелярии (Кабинета), поэтому в этих текстах так отчетливо проявляется личность государя-реформатора [17]. Представляется необходимым также прояснить особенности функционирования языковых единиц, маркирующих деловой текст этого времени (формулы именования, клише, лексические заимствования), которые используются в разных прагматических условиях и с разной коммуникативной целью: указы и грамоты-обращения Петра I к малороссийскому народу в период острых политических и глубоких человеческих переживаний государя – благодатный для рассмотрения этих вопросов материал.

Отобранные для анализа пять документов, характеризующихся единством адресанта, общностью темы, созданных в течение десяти дней одного (очень важного для Государства Российского) года, представляют собой цельный цикл текстов, способных свидетельствовать как о формировании специфических черт делового стиля эпохи Петра I, так и о становлении нового типа государственной коммуникации этого времени в целом.

Номинации И.С. Мазепы в царских указах и грамотах (октябрь–ноябрь 1708 г.)

Именованье человека в распорядительном тексте XVII–XVIII вв. имело не только лично-идентификационную, но и социально-идентификационную функцию: форма выражения имени человека (полуимя, имя-прозвище, официальное титулование, диминутивное имя и др.) во многом выражала и место поименованного в социальной иерархии общества, и отношение к нему официальной власти. Поэтому вполне ожидаемой представляется смена номинаций Ивана Мазепы в официальных документах царской канцелярии – до и после событий осени 1708 г. Так, еще в Указе от 1 марта 1708 г. Петр I обращается к нему должным образом – титульно, с полным

трехкомпонентным личным именованием: «Гетман и Кавалер Иван Степанович Мазепа» [15: 402]. В указных текстах после октября того же года гетмана, разумеется, показательно называют иначе – только по фамилии, с неизменными уточнениями – *вор, изменщик, богоотступный изменник, проклятый изменник, бывший Гетман* и др.:

*И дабы упредить сие злое намерение того **богоотступного изменника Мазепы**, и ко исполнению онаго и Малороссийскаго краю до раззорения, того ради посланы от Нас <...> Наши указы (здесь и далее в цитатах выделено мной. – Т.С.) [15: 424];*

*И того **изменщика Мазепы** прелести и замыслы пресечь и упредить, и тако свою отчизну от всяких опасностей и раззорения избавить и освободить [15: 425];*

*Лещинской Шведу уступить обещал, оному сей Малороссийской край завоевав отдать, а **изменника Мазепу** в Украине самовластным князем над вами учинить, в чем он от него, **изменника богоотступного, бывшего Гетмана Мазепы** был обнадежен [15: 425].*

«Изменник» и «изменщик», активно используемые для именования Мазепы, – безусловно, социально значимые отрицательные номинации-характеристики; эпитет «богоотступный» убедительно усиливает их негативную оценочность. Сочетание «богоотступный изменник» – одно из наиболее частотных двусловных номинаций Мазепы во всех пяти рассматриваемых текстах.

Весьма актуальным наименованием гетмана в этих документах оказывается слово «вор». Исследователями отмечается, что уже с XVI в. оно становится родовым для целого ряда других атропонаименований по признаку «специализации» злостных преступлений: «злодей», «тать», «мошенник», «жулик», а также «богоотступник», «еретик», «самозванец» [3: 188]. В Словаре Академии Российской фиксируются два значения слова «вор», красноречиво свидетельствующих о его гиперонимических свойствах: «1. Тать, похититель, хищник; 2. Лукавец, хитрец, тот, который имеет способность других обманывать» [16: 495]. Очевидно, что в начале XVIII в. семантическая связь слова «вор» с производящим глаголом «врать» еще ясно осознается – это «преступник, который похищает чужое, прежде всего, **действуя словом** <...>. Вор нарушает слово и обольщает словом (*врет*), заматая следы» [10, I: 129]. Семантика слова «вор» (и его производных), близкая к «врать» («намеренно суесловить, лгать, обольщать» [16: 528]), подчеркивается использованием в одном с ним контексте существительных с близким значением (*обман, лесть*), а также других слов, входящих в поле говорения, речи и слушания:

*А вам, верным Нашим подданным города Почепа <...> повелеваем, дабы к **воровству** того изменника, бывшего Гетмана, не приставали*

и его ни в чем **не слушали**, но служили по-прежнему Нам, Великому Государю, верно [15: 423];

Бывший Гетман, **вор и изменник** Мазепа изменил и переехал к Королю Шведскому, забрав с собою Генеральную Старшину и трех Полковников <...> большая часть от него изменника **обманом заведены**, и о его изменничьем намерении **были несведомы** [15: 425].

Показательно, что слово «вор» при именовании Мазепы часто и последовательно употребляется в паре со словом «изменник» – характерная судьба гиперонима, призванного в «сочетаниях типа “род – вид”» выявлять актуальное для данного контекста значение – в нашем случае *вор* ‘обманщик, лжец’ как *изменник* ‘предатель, отступник’ [10, I: 129]:

Бывший Гетман, **вор и изменник** Мазепа, забыв страх Божий и присягу свою, при крестном целовании Нам, Великому Государю, в верности учиненную, Нам, Великому Государю, **изменил** и переехал к Королю Шведскому [15: 425].

В приведенном фрагменте указанное значение пары лексем *вор* и *изменник* вполне отчетливо раскрывается следующим за ними контекстом, как бы расшифровывающим и растолковывающим обообщенный образ *вора-изменника*. Здесь содержательно мотивированы и с точки зрения воздействия на адресата весьма уместны: 1) книжные устойчивые формулы – «(забыть) страх Божий» (калька с гр. φόβος τοῦ Θεοῦ [10, II: 342]), «крестное целование» (в значении «обряд присяги; вид божбы, клятвенного заверения» [19: 577]); 2) важное для документного языка XVIII в. указание на бывший и навсегда утерянный высокий титул изменника (**бывший Гетман**); 3) многословная фразеологизированная структура со значением степени духовного падения Мазепы-христианина, забывшего *присягу, при крестном целовании в верности учиненную*; 4) тавтологическое сочетание *изменник изменил*, весьма характерное для народной речи, призванное усилить актуальное для текста значение ключевой номинации.

Семантика коварного лжеречения-измены присутствует и в других текстах, в которых используется пара *вор – изменник*: это и упоминание о *прелестных письмах*, и предостережение от *прелестей неприятельских*, и запрещение слушать *прелестные универсалы*¹ и *подсылки*²:

Повелеваем, напоминаем и престерегаем <...> дабы **сих прелестей неприятельских**, тако ж **богоотступнаго изменника Мазепы прелестных писем не слушали** <...> [15: 430];

Тако ж ежели какие **прелестные универсалы** или **подсылки от бывшего Гетмана, богоотступнаго изменника Мазепы** явятся; и тех бы отнюдь **яко изменничьих, не слушали**, и по них не исполняли. За веру православную, за святая церкви и за отчизну свою мужественно

против оных стоять <...> ни по каким универсалам Короля Шведскаго и вора изменника Мазепы на продажу и так не привозили [15: 431].

Отмечается также, что лживыми речами и уверениями Мазепа завел ничего не подозревающих казаков в «неприятельские руки»:

Милосердую о тех подданных своих, которые изменю вора Мазепы заведены в неприятельския руки, объявляем сею Нашею, Царскаго Величества, грамотою: дабы оные <...> от него вора изменника отлучались [15: 425].

Показательно, что шведский король – как равный Петру I по статусу – ни в одном из текстов не называется оскорбительно или уничижительно: он – *Государев недруг, общий неприятель, Наш враг, Король Шведский/Свейский*. Ему в противоположность гетман именуется то презрительно по-холопски *Ивашка Мазепа*, то торжественно осуждающе – *враг креста Христова, коварственный Наш неприятель*.

Таким образом, для документов, созданных в течение десяти дней одного 1708 года – с 31 октября по 12 ноября, характерно последовательное стилистическое снижение номинаций Мазепы и сгущение в них семантики измены и богоотступничества: *Гетман Мазепа, изменник, помянутый изменщик* (Указ от 31 октября); *Бывший Гетман Мазепа, богоотступный изменник, изменщик* (Грамота от 1 ноября); *Бывший Гетман, вор и изменник, вор* (Грамота от 7 ноября); *изменник, богоотступный изменник, проклятый изменник, коварственный неприятель, бывший Гетман, вор изменник* (Грамота от 9 ноября); *бывший Гетман Ивашка Мазепа, враг креста Христова* (Указ от 12 ноября).

Публицистичность и риторичность царских документов, освещающих предательство И. Мазепы

Неоднократно отмечалось, что с Петровской эпохи практически все царские указы прочно приобретают «объяснительную модальность» [14: 184]. Действительно, в текстах большинства петровских указных документов отмечается устойчивое употребление синтаксических конструкций, оформляющих эту «доказательную» модальность – так, например, многочисленные предложения с союзами и союзными словами «того ради», «ибо», «понеже», «дабы»:

И дабы упредить сие злое намерение того богоотступнаго изменника Мазепы, и ко исполнению онаго и Малороссийскаго краю до раззорения, церкви же святыя до осквернения и превращения в Римскую веру и Унию не допустить: того ради посланы от Нас <...> Наши указы <...> дабы съезжались на избрание новаго Гетмана [15: 424];

Вы верные Наши подданные <...> по тем указам немедленно ко избранию новаго Гетмана приступите, и <...> на гетманство немедленно

изберете, **понеже** нынешний случай ускорения того дела требует, **дабы** единодушно против общего неприятеля Короля Шведскаго стать [15: 424] и т. п.

В рассматриваемых пяти текстах применяются известные риторические приемы, служащие тем же задачам – разъяснить, убедить «людей всех чинов» в правоте царских решений, в т. ч. царских оценок «Мазепиных злых намерений и измены».

Во-первых, довольно подробно описываются в четырех из них действия Мазепы, которые освещаются с точки зрения их официальной квалификации и оценки, – измена царю и Российскому государству. Присутствует в документах и религиозно-нравственная оценка деяний гетмана (богоотступничество, нарушение крестного целования, обман товарищей «при нем будучих»):

<Мазепа> забыв страх Божий и присягу свою при крестном целовании Нам, Великому Государю, учиненную и превысокую к себе Нашу милость, без всякой данной к тому причины, изменил и перешел к Королю Шведскому, объявляя наперед о себе, Генеральной Старшине и Полковникам при нем будучим, будто имеет Наш Царскаго Величества указ, идти против неприятеля для воинскаго промысла с несколькими компанейскими полками; и когда перешел реку Десну, то приближаясь к войску Шведскому, поставил войско при нем будучее в строй к баталии и потом объявил Старшине злое своё намерение, что пришел не биться с оными, но под протекцию Его Королевскую, когда уже то войско, по его соглашению, от Шведа окружено было [15: 427].

Такое «фактологическое» повествование демонстрирует довольно умелое использование суггестивных свойств текста, содержащего информацию о деяниях, исходно осуждаемых и порицаемых обществом, тем более обществом религиозным: забыть милость государеву, забыть страх божий, «без всякой причины» изменить присяге, перейти на сторону врага и т. д. Неслучайно самое подробное повествование о действиях Мазепы в период его перехода на сторону Карла XII содержится в Грамоте от 9 ноября 1708 г., обращенной к широкому и самому заинтересованному в происходящих событиях адресату – «верным Нашим подданным, войска Запорожскаго Генеральной Старшине, Полковникам, Ясаулам, Сотникам и куренным Атаманам и казакам и всякаго чина гражданскаго и купеческаго людям и поселянам и всему Малороссийскому народу» [15: 426].

Во-вторых, всячески подчеркивается царское приятие («милость») малороссийского народа и запорожских казаков, не пошедших за Мазепой и оставшихся верными присяге. Создается отчетливая текстовая оппозиция как отражение оппозиции политической, идеоло-

гической: Мазепа – изменник противопоставлен малороссийскому народу – «коллективному верноподданному» русского царя.

В неэмоциональное размеренное течение деловой речи включаются языковые единицы, имеющие выразительный характер: используются выразительные эпитеты, книжная метафорика, образные сравнения, присутствуют апелляции к известным (прецедентным) выражениям:

Нам известно учинилось, како неприятель Наш Король Шведской, видя изнеможение сил своих и не имея надежды оружием против численных Наших храбрых Великороссийских и Малороссийских войск стояти <...> [15: 426];

Может каждой разумной из Малороссийскаго народа признать, что некоторый народ под солнцем такими свободами и привиллиями и легкостию похвалитися не может, как по Нашей Царскаго Величества милости, как Малороссийской, ибо не единого пеняза в казну Нашу во всем Малороссийском краю, с них брать мы не повелеваем; но милостиво их призираем <...> от бусурманскаго и еретическаго наступления обороняем [15: 431].

«Приятие» народа выражается и в том, что основной строй указанных текстов этого цикла – разговорный, доступный для восприятия самым широким адресатом. Так, вопреки устоявшемуся мнению о многочисленности заимствованной лексики в разностильных текстах петровского времени [1] отчетливо заметно, что в рассматриваемых документах заимствования представлены весьма скудно и тематически однообразно. Прежде всего, это «заморские титулы», звания чиновников и военных (*президент, министр, бурмистр, генерал*), а также некоторые иноязычные слова, обозначающие различные и вполне обычные общественные явления. Интересно при этом, что входящие в русский оборот иностранные слова довольно часто используются в одном тексте со своими русскими аналогами (*протекция/рука, канцелярия/приказ, привил(ег)ия/вольность, тиран/злодей, фальшивый/лживый*). Вполне объяснимы и ожидаемы в этих текстах полонизмы, украинизмы и редкие германизмы, отражающие реалии описываемых событий: *пенязь, сотник, шляхта, гетман, шкода, универсал, кирха, рейтар* и др. Однако эти заимствования никак не влияют на общий собственно русский, приближенный к разговорному язык царских документов этого цикла. Также немногочисленны деловые клише и устойчивые формулы, «усушающие» царственный диалог со своими подданными. Отдельные примеры их использования (*известно учинилось, во знак верности, отставить тягости, приступит к избранию, приходит под Высокодержавную руку и др.*) – тому ясное подтверждение.

Власть словно намеревается быть отчетливо понятой: минимальное количество книжных грамматических конструкций, почти полное отсутствие лексических заимствований, строго функциональное и сознательное использование архаизмов всех уровней – таковы языковые черты этих текстов, призванные привлечь самые широкие слои населения к позиции власти.

В-третьих, всячески подчеркивается религиозный умысел «злых намерений» Мазепы. Во всех рассматриваемых текстах очевидна сквозная тема богоотступничества гетмана, его желания отказаться от православия в пользу всякого «еретичества». Видимо, предполагалось, что такое разоблачение «Мазепиных прелестей» будет воспринято религиозным малороссийским народом предельно эмоционально и окончательно отвратит его от гетмана, «учинившего измену» не только русскому царю, но, прежде всего, православной вере:

*Гетман Мазепа <...> обманул с собою Старшину и 3 Полковников, и **отдав их в руки неприятелю**, ради особливого интереса своего, с таким умыслом, дабы народ Малороссийской **предать в порабощение и под владение Польское и церкви Божия и святые монастыри во осквернение во Унию** [15: 423];*

*<Изменник Мазепа, хотящий> **церкви святыя и весь сей Малороссийской край благочестия лишит и поработит**, всякую шкodu приключать, и загонами и по лесам и переправам людей их побивать, и за веру православную, за святыя церкви и за отчизну свою мужественно против оных стоять [15: 431].*

В-четвертых, активно используются в исследуемых указах и грамотах архаичные, преимущественно церковнославянские по происхождению, лексические (в т. ч. фразеологические) и грамматические средства. Намеренная славянизация и окнижение деловой речи петровского времени – распространенный прием, призванный усилить ее воздействующую функцию: славянизмы и книжная лексика неизбежно приносили в строгий деловой текст «приподнято-торжественный тон» и одновременно подчеркивали высокий авторитет царского документа [7: 125]:

*Неприятель Наш Король Шведской <...> по **гордому** своему **предвосприятю**, над оными, также и над землями Нашими получитьи, когда **по претерпенном** многом **уроне** войск своих у Смоленскаго рубежа <...> скорым и коварным своим походом **хотя упредить** войско Наше в Малороссийской край [15: 426];*

*И во знак той **непременной верности** своей к Нам, Великому Государю, сами и войску казацкому велели **целовать крест** в том, что служить вам, Нам Великому Государю, по-прежнему <...> при прежних вольностях своих **непоколебимо, со всякою усердною верностию** [15: 423];*

То самая явная ложь, и токмо ради возмущения, всеенные неприятельския плевелы <...> и можем непостыдно рещи [15: 431].

В ряду рассматриваемых текстов особой риторической силой обладает именной указ Петра I от 12 ноября 1708 г., в котором объявляется о том, что «Преосвященные Митрополиты и Архиепископы и со всем Освященным Собором» предали Мазепу «проклятию и анафеме вечно» [15: 432].

В этом указе, как бы завершающем «цикл» царских документов 1708 г., посвященных Мазепе, уже нет развернутого повествования об «изменничьих намерениях» и «коварственных» действиях гетмана, его тайном переходе на сторону неприятеля, «введении в обман» товарищей-казаков и т. д.

Событийный и оценочный (с позиций царского осуждения) планы указного повествования сменяются планом осмысления свершившихся событий и поступка Мазепы с духовно-религиозной точки зрения. В тексте указа Мазепа не просто «изменник», он – «враг креста Христова», сотворивший «богомерзкое непотребное дело»: он не только забыл о присяге, презрев «страх Божий», он самовольно отдал себя «погубителю душ», он не умрет смертью христианина, он навечно будет «предан проклятию и анафеме».

Язык этого документа более остальных намеренно и чрезвычайно насыщен архаизмами – грамматическими и лексическими, впервые здесь используются библейские цитаты, правда, в несколько вольном и компилятивном изложении:

А по молебном пении, бывшаго Гетмана Ивашку Мазепу, которой по внешнему образу был сосуд потребен, а потом явился сосуд дьявол <...> он оставя свет, возлюбих тьму, от нея же внутренняя ослепоста ему зеницы, и в той слепоте, с праваго пути совратясь и отъехав ко мрачной адове пропасти, пристал к Его, Государеву недругу Свейскому Королю [15: 432].

Лексический состав этого указа во многом обусловлен его темой (предание Мазепы проклятию и анафеме), поэтому здесь особенно многочисленны славянизмы, причем как «генетические», так и «стилистические» [7: 122]: *благоволение, благородный, претерпенный, благочестие, богоотступный, порабощение, предпомянутый, богомерзкий, непотребный, всегубитель* и др.

Учитывая особое значение формы именованного человека в деловом тексте XVIII в., следует заметить, что в рассматриваемом тексте полными именами обозначены знатные царские вельможи, бывшие при «молебном пении» и объявлении о предании Мазепы проклятию и анафеме: *Князь Петр Иванович Прозоровский, Князь Михайло Алегукович Черкасской, Генеральный Президент и Московский Комендант*

и Сибирских провинций Судья Князь Матвей Петрович Гагарин и др. Именуется полным именем новоизбранный гетман «Малороссийскаго и Запорожскаго войск, обеих сторон Днепра Иван Ильин сын Скоропадскаго, Стародубской Полковник» [15: 432]. Важным компонентом именного царского указа является и титульное именование царственных особ, субъектов властных текстов, в данном случае это «Великий государь, Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, сын его Государев, Благородный Государь, Царевич и Великий Князь Алексей Петрович» [15: 431]. Тем самым специально подчеркивается официальный характер документа, его высокий государственный статус.

Заключение

Царские указы и грамоты 1708 г., связанные с именем И. Мазепы, демонстрируют очевидные сдвиги, произошедшие в языке деловой сферы петровского времени. Исходно информативные, повелительные тексты государевых указов при Петре I приобретают явные признаки идейно-просветительских и пропагандистских текстов. Новой власти важно не только повелевать, но и объяснять, убеждать, доказывать. К тому же осенью 1708 г. повод для привлечения на свою сторону «всех чинов людей» у русского царя – чрезвычайный, судьбоносный, драматичный: близится решающая битва со шведами в затянувшейся Северной войне, а один из соратников и, как казалось Петру, верных его подданных гетман Мазепа переходит на сторону врага. Поэтому так риторичны и выразительны эти документы, так ясен и эмоционален слог и логична структура каждого из них.

Основной речевой строй рассмотренных грамот и указов – живой, народно-разговорный, в чем угадывается сознательное желание авторов (автора) царских регулов приблизить язык власти к языку народа. Тайный переход Мазепы на сторону врага России, его обманные действия по отношению к царю, которому присягал, к своим товарищам, которые в его изменничьем намерении были несведомы, корыстные устремления бывшего гетмана, обиравшего свой народ (**многие поборы наложил ради обогащения своего**), призывы показать верность Великому государю – сквозные темы всех пяти документов, оформленных по преимуществу ясным русским языком, приближенным к разговорному. Прием окнижения этой речи применяется намеренно и с полным пониманием воздействующей силы высокого слога: книжный текст, безусловно, имеет неизменно больший авторитет, чем «повседневный». Таков по стилю Указ от 12 ноября 1708 г., в котором бывший гетман предается православной церковью проклятию анафеме.

Желание донести царскую волю и царские идеи до широкого адресата потребовало от создателей этих текстов взять за основу народно-разговорную речь, которая была в ряде случаев (функционально оправданно) изящно окнижена. Деловая речь в жанре царского указа постепенно приобретает качества государственного красноречия.

Примечания

1. «...нем. *Universale*, от лат. *universalis*, всеобщий, относящийся ко всем. Указ малороссийского гетмана, а также грамота его на недвижимое имение» [12: 684].

2. «Подсыл [подсылка] – подосланная обманом вещь для поклёпной улики и подосланный человек, лазутчик» [5: 208].

Литература

1. Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Л.: Наука, 1972. 432 с.

2. Брайчевський М.І. Мазепа: правда і вигадки. Київ: Веселка, 1992. 132 с.

3. Генералова Е.В., Щёкин А.С. По следам вора // Русская историческая лексикология и лексикография. 2008. № 7. С. 187–193.

4. Грушкин А.И. Публицистика Петровской эпохи // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Наука, 1941. Т. III. Ч. 1. С. 75–96.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 2000. Т. III. 555 с.

6. Епифанов П.П. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого М.: Гос. библиотека им. В.И. Ленина, 1946. С. 5–42.

7. Замкова В.В. Славянизмы в деловом языке середины XVIII века // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1969. С. 121–129.

8. Западов А.В. Русская журналистика XVIII века. М.: Наука, 1964. 226 с.

9. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Альфа-книга, 2019. 1198 с.

10. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. I. 592 с.; Т. II. 592 с.

11. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 т. М.: Книга и бизнес, 1992. Т. 3. 358 с.

12. Михельсон А.Д. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. М.: «Русская типография» А.О. Лютецкого, 1883. 752 с.

13. Ростунов И.И., Авдеев В.А., Осипова М.Н., Соколов Ю.Ф. История Северной войны 1700–1721 гг. М.: Наука, 1987. 217 с.

14. Руднев Д.В. Язык Генерального регламента 1720 года (к 300-летию первого издания) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 178–191. doi: 10.17223/18137083/78/13
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 1–45. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 4. 883 с.
16. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822. Ч. 1. 634 с.
17. Сыромятников Б.И. От редактора // Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I: в 3 т. М.; Л.: АН СССР, 1945. Т. I. С. XXXIII–XLIV.
18. Таурова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М.: Молодая гвардия. Серия «Жизнь замечательных людей», 2007. 273 с.
19. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. М.: Топиал, 1995. 608 с.
20. Шамбаров В.Е. Царь Петр и гетман Мазепа. М.: Родина, 2023. 352 с.

References

1. Birzhakova, E.E., Voynova, L.A. & Kutina, L.L. (1972) *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka* [Essays on the Historical Lexicology of the Russian Language in the 18th Century]. Leningrad: Nauka.
2. Braychevskiy, M.I. (1992) *Mazepa: pravda i vigadki* [Mazepa: Truth and Guesses]. Kyiv: Veselka.
3. Generalova, E.V. & Shchekin, A.S. (2008) Po sledam vora [On the trail of a thief]. *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya*. 7. pp. 187–193.
4. Grushkin, A.I. (1941) Publitsistika Petrovskoy epokhi [Journalism of the Petrine era]. In: *Istoriya russkoy literatury* [History of Russian Literature]. Vol. 3. Moscow, Leningrad: Nauka. pp. 75–96.
5. Dal, V.I. (2005) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Dictionary]. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.
6. Epifanov, P.P. (1946) *Voennye ustavy Petra Velikogo* [Military Regulations of Peter the Great]. Moscow: Lenin State Library. pp. 5–42.
7. Zamkova, V.V. (1969) Slavyanizmy v delovom yazyke serediny XVIII veka [Slavicisms in the business language of the mid-18th century]. In: *Ocherki po istorii russkogo yazyka i literatury XVIII veka* [Essays on the History of Russian Language and Literature of the 18th century]. Kazan: Kazan State University. pp. 121–129.
8. Zapadov, A.V. (1964) *Russkaya zhurnalistika XVIII veka* [Russian Journalism of the 18th Century]. Moscow: Nauka.
9. Klyuchevskiy, V.O. (2019) *Kurs russkoy istorii* [Russian History]. Moscow: Al'fa-kniga.

10. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V. & Kharitonov, A.A. (2014) *Slovar' russkoy mental'nosti* [Dictionary of Russian Mentality]. St. Petersburg: Zlatoust.
11. Kostomarov, N.I. (1992) *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley* [Russian History in the Biographies of its Most Important Figures]. Vol. 3. Moscow: Kniga i biznes.
12. Mikhelson, A.D. (1883) *Ob'yasnitel'nyy slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s ob'yasneniem ikh korney* [Explanatory dictionary of foreign words that have entered into use in the Russian language, with an explanation of their roots]. Moscow: The A.O. Lyutetsky Russkaya tipografiya.
13. Rostunov, I.I., Avdeev, V.A., Osipova, M.N. & Sokolov, Yu.F. (1987) *Istoriya Severnoy voyny 1700–1721 gg.* [History of the Northern War 1700–1721]. Moscow: Nauka.
14. Rudnev, D.V. (2022) Language of the General Regulations of 1720 (on the 300th anniversary of the first edition). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 178–191 (in Russian). doi: 10.17223/18137083/78/13
15. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii. Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete Laws of the Russian Empire. First Part: From 1649 to December 12, 1825]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
16. Russian Imperial Academy of Science. (1822) *Slovar' Akademii Rossiyskoy po azbuchnomu poryadku raspolozhenny* (1806–1822) [Dictionary of the Russian Academy in alphabetical order]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
17. Syromyatnikov, B.I. (1945) *Ot redaktora* [Editorial]. In: Voskresenskiy, N.A. *Zakonodatel'nye akty Petra I* [Legislative Acts of Peter I]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. XXXIII–XLIV.
18. Tairova-Yakovleva, T.G. (2022) *Mazepa*. Moscow: Molodaya gvardiya.
19. Fedorov, A.I. (1995) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII–XX vv.* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the late 18th–20th Centuries]. Moscow: Topikal.
20. Shambarov, V.E. (2023) *Tsar' Petr i getman Mazepa* [Tsar Peter and Hetman Mazepa]. Moscow: Rodina.

Садова Татьяна Семёновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Tatiana S. Sadova – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: tatsad_90@mail.ru